

**Президент ГУ-ВШЭ, Президент РСПП А.Н.Шохин
в программе "Кредит доверия" на радиостанции "Эхо Москвы"**

И. ВОРОБЬЁВА: 16:35 в Москве. Как всегда в это время программа «Кредит доверия». У нас гость Александр Шохин, президент Российского союза промышленников и предпринимателей. Здравствуйте.

А. ШОХИН: Добрый день.

А. ДУРНОВО: Добрый день. И сразу перейдём к вопросам. Глава ЦБ Сергей Игнатьев сегодня сделал достаточно оптимистичный прогноз. Он сказал, что не ожидает ЦБ второй волны девальвации рубля. Могу даже процитировать: «Я почти уверен, что верхнюю границу стоимости бивалютной корзины в 41 рубль мы не перейдём до конца года». В то же время он дал понять, что есть вероятность того, что если упадёт цена на нефть, то девальвация возможна. Хотелось бы понять, есть повод для опасения?

А. ШОХИН: Во-первых, я должен поздравить Сергея Игнатьева, в середине апреля он мне сказал, что до конца мая выступать с прогнозами не будет. И только на банковском конгрессе в Петербурге 28-го числа он сделает очередной прогноз, потому что ему надоело то, что все делают разноречивые прогнозы, кто оптимистичные, кто пессимистичные, поэтому он будет где-то не чаще, чем раз в месяц выступать. Кстати, в этом плане он угадал позицию президента, который раскритиковал официальных лиц за то, что они соревнуются в выдаче прогнозов...

И. ВОРОБЬЁВА: И попросил их умерить язык.

А. ШОХИН: Принцип – лучше жевать, чем говорить, для больших политиков действует. Что касается существа вопроса, то Сергей Игнатьев не сказал ничего нового. Если цена на нефть будет низкая, то девальвация возможна, если она будет на нынешнем уровне, то рубль может даже укрепляться, мы видим, что цена на нефть среднегодовая в этом году никак не упадёт ниже 50 долларов. Вообще-то оснований для беспокойства, то, что курс рубля выйдет за рамки бивалютной корзины в 41 рубль, оснований для беспокойств такого рода нет, но беспокойство уже возникло другое. Не сильно ли укрепляется рубль? Ведь ЦБ в начале года, устанавливая пределы девальвации в 41 рубль по бивалютной корзине ничего не сказал об укреплении рубля.

А сейчас мы чуть не перешагнули 30-рублёвый барьер обесценения доллара, и это тоже создало элементы беспокойства. Прежде всего потому, что никто не может спрогнозировать. Многие делают свои расчёты, исходя из более узкого коридора. Если по доллару говорить – 33-35, а выясняется, что волатильность намного выше. И это тоже многих не устраивает, все хотят большей предсказуемости. Кстати, предсказуемость курса важнее самого показателя этого курса. Пока ЦБ и монетарные власти в целом не смогли гарантировать предсказуемости курса, что для экономических субъектов принципиально важно, да и для граждан тоже.

А. ДУРНОВО: Тогда сразу ко второму прогнозу Сергея Игнатьева. Он тоже вполне оптимистичный. Он сказал, что экономика РФ в третьем квартале оживится. Есть предпосылки к такому?

А. ШОХИН: Видимо, он исходит из того, что она сильно упала во втором квартале, что ей деваться некуда, кроме как начать оживляться. Других, на мой взгляд, объективных оснований для того, чтобы делать такие выводы, нет. Действительно, падения во втором квартале очень серьёзные, мы знаем, что в апреле промышленное производство упало больше чем за предыдущие 15 лет. В последний раз такое падение было в 1994 году, поскольку я был в этом году в правительстве, мне «приятно» сознавать, что такие рекорды покоряются и нынешнему правительству.

Конечно, во многом мы ориентированы, и здесь первый прогноз Сергея Игнатьева надо ещё раз вспомнить, мы зависим от цены на нефть. Если она будет в коридоре 60-70, а не в коридоре 40-50, конечно, основания для улучшения есть. Но это лишь доказывает, что мы зависим от восстановления мировых рынков, в данном случае рынка нефти и углеводородов, восстановление экономик, типа американской, китайской и т.д. То есть, внешний спрос – это главный аргумент в пользу того, что мы можем начать восстанавливаться в этом году. Стало быть, нам нужно молиться на восстановление других экономик и основных рынков наших экспортных сырьевых ресурсов.

К сожалению, наши антикризисные меры не дают оснований для уверенности в том, что в 3 квартале, или в конце года, у нас всё пойдёт или хотя бы знак изменится с отрицательного на хотя бы нулевой, т.е. начнётся какой-то стагнационный период, не говоря уже о том, что нет оснований полагать, что мы начнём выходить из рецессии самостоятельно. Поэтому надежды на них, они остаются главными. К сожалению. Поэтому очень важно акцентировать внимание на оценке эффективности антикризисных мер и не только в контексте 2009 года, но и 2010-2012 гг. И в этой связи среднесрочные программы правительства и оценка их эффективности, постоянные корректировки, исходя из того, как мы оцениваем результативность этих мер гораздо важнее, чем гадание на цифрах.

В любом случае есть одна ключевая цифра, которую угадать никто не может – это цена на нефть. Всё остальное – производно.

И. ВОРОБЬЁВА: Прогнозируют, но угадать не могут.

А. ШОХИН: Вы понимаете, прогнозы сейчас не сильно отличаются от гадания. И трудно говорить, кто более обоснованно даёт прогнозы - Международный финансовый институт, независимые эксперты или бабка-гадалка.

И. ВОРОБЬЁВА: Александр Шохин, президент Российского союза промышленников и предпринимателей – наш эксперт в программе «Кредит доверия». Я хотела спросить про бюджетное послание президента России Дмитрия Медведева. Выступая перед президиумом правительства с бюджетным посланием, Медведев заявил, что необходимо определить экономически оправданный уровень налоговой нагрузки. То есть, получается, что слова Медведева означают, что сейчас такой уровень неоправдан. Эксперты сразу ухватились за этот тезис и получилось, что налоговые стимулы, каникулы, льготы, никакого снижения налогов дальнейшего не будет. Это нормально?

А. ШОХИН: Вы знаете, мы большие надежды возлагали на бюджетное послание, в том числе в части налоговой политики государства, прежде всего потому, что правительство и президент жёстко заявили, что с 2011 года единый социальный налог не только будет переведён, а он уже будет переводиться с 2010 года в систему страховых платежей, и то, что суммарный платёж по страховым платежам превзойдёт нынешний уровень ЕСН в полтора раза практически. Именно тогда мы заявили свою принципиальную позицию, как бизнес-сообщество, в условиях кризиса не должно быть никакого увеличения налоговой нагрузки.

И если правительство считает возможным реформировать ЕСН на базе повышения социальных налогов, а пока что мы вынуждены называть их налогами, потому что действительного полноценного перехода на страховые не произойдёт в 2010 году, для этого потребуется время определённое, мы ожидали, что будет компенсация в снижении других налогов. И не тех, которые уже снижены с 1 января 2009 года, например, налог на прибыль с 20 до 20 снизился. Но в условиях, когда почти ни у кого прибыли нет, никто не заметил этой компенсации. Поэтому мы ставили вопросы о снижении НДС.

Сейчас нам НДС снижать никто уже не обещает, об этом уже лидеры нашего государства заявили. Мы не видим этой компенсационной схемы. Да, мы повышаем социальные налоги, чтобы у Пенсионного фонда и других социальных фондов был самостоятельный, не зависящий от федерального бюджета источник, но общая налоговая нагрузка не изменится, потому что правительство прекрасно понимает, что в условиях кризиса не величина ставок формирует бюджет, а налоговая база. А налоговая база – это относительно мягкие ставки.

Мы сейчас, если до этого мы год-два вели дискуссию, то сейчас мы принципиально разошлись с правительством. Мы понимаем, что нас дискуссиями этими успокоили, компенсация будет, мы просчитывали, в какой форме. Но реально компенсации не будет. Более того, даже такая форма компенсации, как упорядочение администрирования налогов, например, уплата НДС по уведомительному принципу, уплата НДС без тех новаций, которые придумало правительство, что плательщики НДС должны дать гарантию банковскую, что они заплатят НДС. Банковская гарантия стоит денег.

И выдать банковскую гарантию – это значит плательщику НДС нужно раскрывать информацию, вести переговоры с банками, это многомесячные процедуры и дорогостоящие в финансовом плане и по времени. И это нужно для тех, кто регулярно экспортирует, для нефтяных, металлургических компаний, что, не известно, что они не фирмы-однодневки, что им нужно банковскую гарантию дать, что они реальные экспортёры, и что они имеют право на возмещение НДС. Вот эти сложности в администрировании, это дополнительное налоговое бремя. Хотя бы это нам отдали, т.е. упростили администрирование таким образом, чтобы бизнес получил реальный доступ к оборотным средствам.

Мы оценивали, например, нормальную уведомительную систему уплаты НДС, могла бы дать где-то 300-400 млрд. рублей реальному сектору, это гораздо лучше, чем стоять в очереди за кредитами, которые дорого обходятся. Оставьте деньги в экономике, которые можно оставить даже за счёт упорядочения налогового администрирования и те, у кого силы есть, воспользуются этим, и будут выходить из кризиса самостоятельно, даже без такой индивидуальной помощи государства.

Поэтому здесь мы, честно говоря, разочарованы несколько. Но думаю, что время для дискуссий ещё есть, и поскольку вопрос стоит о 2011 году, налоговая система 2010 года более-менее нам понятна, она сильно не поменяется, очень важно за ближайший год провести дискуссию таким образом, чтобы понять, как налоговая система будет способствовать активизации предпринимательской деятельности, экономического роста и так далее. Высокие ставки ещё никогда не гарантировали более высокого поступления дохода в бюджет.

А. ДУРНОВО: Александр Николаевич, а в каком состоянии вообще сейчас малый бизнес находится? Про крупный более-менее понятно.

А. ШОХИН: А что Вам понятно про крупный бизнес? Он в каком состоянии?

А. ДУРНОВО: Он всё время на виду.

А. ШОХИН: Ну, если он ещё на виду, значит не всё так плохо, вот если бы он исчез из виду, было бы плохо. Наша позиция РСПП, хотя нашу организацию традиционно ассоциируют с крупным бизнесом, потому что в нашем руководящем органе представлены крупнейшие российские предприниматели, которые производят две трети ВВП, но мы чётко понимаем, что без поддержки малого и среднего бизнеса из кризиса не выйти. И поэтому мы предлагали, к сожалению, эта идея пока не прошла, хотя Минэкономразвития её поддерживает, мы предлагали обнулить налоговые ставки для малого бизнеса, дать право обнуления, поскольку там региональные власти большую часть поступлений формируют за счёт такого рода налогов.

Дать им право обнулять налоги на малый бизнес, на период до трёх лет, как антикризисную меру. В частности, вы знаете, что право с 1 января дано с 15 до 10 снижать налог на малые предприятия или с 6 до 4, в зависимости от того, как платят малые предприятия в зависимости от оборота или дохода, мы предложили ставку эту ввести на уровне 0 - 10%, или 0 – 4%. При том понимании, что регионам, конечно, нужно было бы в порядке межбюджетных отношений компенсировать часть выпадающих доходов. И тогда вопрос решался бы ещё через экономию бюджетных средств, в том числе средств региональных бюджетов на решение проблем безработицы, высвобождения, переобучения.

Сорок три миллиарда у нас программа занятости и переобучения, переселения высвобождаемых работников в регионах, во многом при таком подходе можно было бы вместо этих денег развивать эту деловую активность тех, кто в том числе и теряет работу. Нам традиционно отвечает Минфин, что жульничать начнут. Они через три года закроют своё предприятие и откроют новое. Да и слава богу! Если они три года продержатся, получая доход для себя вместо того, чтобы пособие получать от государства, и будут предъявлять спрос в сфере розничной торговли и услуг, и тем самым участвовать в программе стимулирования внутреннего спроса, слава богу, что всё сойдётся таким образом.

А если они не будут три года платить налоги, а потом закроют свою компанию, откроют новую, чтобы ещё три года не получать, это будут издержки, но гораздо меньшие, чем те, которые связаны с незанятостью большого числа людей в результате кризиса. Поэтому мы за то, чтобы малому бизнесу идти на очень серьёзные послабления. Мы за то, чтобы часть решений для малого бизнеса уже принятого распространить на все организации. Например, приняты законы,

которые запрещают проводить внеплановые проверки малого бизнеса, иначе кроме как через санкцию вышестоящего прокурора.

А чем хуже другие организации? Почему малый бизнес можно проверять только в плановом порядке, а организацию, в которой оборот на тысячу рублей больше, можно проверять, как хочется. В итоге это ещё будет один стимул перехода в малый бизнес, дробление предприятий. Любая организация, учебная, научная, крупный бизнес, средний, на мой взгляд, должны получить такие права на защиту от чрезмерного внимания проверяющих надзорных органов.

И. ВОРОБЬЁВА: Хотелось бы попросить прокомментировать последние новости о том, что уже в конце этого года может наступить неплатёжеспособность белорусской экономики по кредитам. Речь идет о том, что по итогам встречи в Минске Минск попросил кредит в 500 млн. долларов, и по словам Алексея Кудрина, который говорил о неплатёжеспособности, это зависит от экономической устойчивости Белоруссии. Минск принимает недостаточные меры, по его мнению.

А. ШОХИН: Вообще, конечно, очень хочется, и это правильно, на мой взгляд, России предоставляя кредиты, в частности, Белоруссии, быть чем-то вроде МВФ. Давать кредиты в обмен на реформы. Такой подход абсолютно правильный. Такие условия ставить не просто, что вы вернёте, а у нас ведь, как правило, кредиты льготные, МВФ со Всемирным Банком льготы предоставляет. Их можно разменивать на меры по повышению кредитоспособности и платёжеспособности экономики, не увлекаться популистскими мерами, режим экономии бюджетных средств и так далее. Мы, кстати, сами иногда эти принципы нарушаем, поэтому надеюсь, что сама идеология создания таможенного союза России-Белоруссии-Казахстана, а судя по всему, в следующем году вся нормативная база для создания этого союза будет.

Она распространится не только на торгово-таможенные отношения, но и на бюджетную, финансовую, кредитную политику. И наверное, в этом смысле можно было бы поддержать Алексея Кудрина, хотя не во всём мы его поддерживаем, в частности, в налоговой политике он ведёт себя, как скупой рыцарь. Но здесь очевидно, что предоставление кредитов должно быть обусловлено мерами по повышению возможностей обслуживания этих кредитов.

И. ВОРОБЬЁВА: Россия сейчас в состоянии давать такие суммы в долг, в кредит и выступать т.н. МВФ?

А. ШОХИН: Конечно, своим денег вроде не хватает предприятиям, а мы знаем, что многие компании стоят в очереди за госгарантиями на кредиты, на субсидии, поддержку. Многие требуют защитить те или иные рынки другими способами поддержать национального производителя. И в этой связи мы вынуждены признать, что Белоруссия у нас, белорусские компании стали чем-то вроде национального производителя, которого мы защищаем не меньше, чем своего. И мы вправе требовать чего-то похожего на единые правила игры, потому как сейчас мы часто видим, что торговля идёт на каких-то политических площадках, она должна быть больше практицизма иметь.

Если предоставляется эта помощь, аналогичная той, которая предоставляется российским компаниям, то безусловно, и на финансово-экономическом языке нужно требовать выполнения тех или иных условий. А здесь чаще политика. Я не

хочу сказать, что мы даём кредиты в обмен на обещания Лукашенко признать Абхазию и Южную Осетию, но много других политических сюжетов, которые наверняка в этих схемах задействованы.

И. ВОРОБЬЁВА: Задаёт нам вопрос преподаватель из Казани. «Сколько регионов в России сводит сейчас свои бюджеты с плюсом?» Хотя бы примерно.

А. ШОХИН: Это не моя компетенция, конечно. Это Министерство финансов и лично заместитель Министра финансов Антон Силанов знает статистику. Но если раньше мы считали, что устойчивая дефицитность бюджета – это основание для введения внешнего управления и замены местных финансовых чиновников федеральными представителями Минфина, сейчас этот вопрос никто не ставит. Кроме того, оказывает, что в лучшем положении те регионы, которые сидят на субсидии, и давно, всегда сидели на субсидии, те, кто был устойчивым со своими источниками, но спад производства в традиционных отраслях, расположенных в этих регионах, сформировал их дефицитность довольно существенную, и им уже надо занимать очередь за теми, кто всегда был аутсайдером.

И в этой связи трудно говорить о том, что есть бездефицитность. Только что сократился бюджет Москвы на треть, вернее призыв сократить его на треть. Только тогда он будет сводить концы с концами. Речь идёт о кардинальном пересмотре бюджетной политики, и только ограниченное число регионов, реформируя бюджеты, могут выйти в ноль.

А. ДУРНОВО: Спасибо огромное. Это был Александр Шохин, президент Российского союза промышленников и предпринимателей.

/"Кредит доверия" на радиостанции "Эхо Москвы", 28.05.2009/